

Поэтому, несмотря на то, что сердце его болело при каждом шаге, он взял Касаки за руку, хотя она уже вполне могла идти самостоятельно, и повел ее по улицам Ивагакуре к Монументу Павших.

На Сурмаунте, самой высокой горе, возвышавшейся прямо за дворцом Цучикаге, было высечено гигантское изображение фирменной конической шляпы Цучикаге. Под ней в форме змеи располагалось рельефное кандзи "земля".

"На самом крепком основании возвысится самая высокая вершина", - раздался мягкий голос, и Кадзухиро едва не вздрогнул. Она умеет читать?

"Верно", - неловко ответил он, но потом приостановился. Он действительно не хотел этого делать. Он действительно не хотел быть здесь со своей крестной сестрой. Но это должен был быть он; он был в долгу перед Хисаши.

"Имена", - сказала она и протянула руку к камню, но заколебалась: кончики пальцев были в дюйме от нее. "Это наши павшие товарищи, не так ли?"

На этот раз Кадзухиро вздрогнул. Как она догадалась? Наши павшие товарищи? Господин Хамамото сказал ему, что она не брала ее с собой (а он втайне надеялся, что взяла).

"Да, это они", - сказал он наконец. На пространстве вокруг воздушного змея, хотя и не так глубоко, как на самой Земле кандзи, было выгравировано бесчисленное множество имен. Их было так много, что в самой шапке не хватало места, и многие переливались на окружающий горный склон.

Он решил пересказать то, что говорил его сенсей в академии, когда они посещали это место много лет назад.

"Вы ничего не замечаете в здешних названиях?" - спросил он. спросил он.

Касаки некоторое время рассматривал памятник, прежде чем ответить. "Они все написаны разным почерком".

Он кивнул в знак согласия. "Это потому, что все они были написаны разными людьми. Когда шиноби Ива падают в бою, один из их товарищей вписывает их имя в памятник с помощью манипуляций Дотона. Здесь есть невидимые дозорные, которые день и ночь следят за тем, чтобы их наследие не было нарушено. Видите, между каждым именем стоит тире? Это символизирует нашу связь. Прошое, настоящее и будущее - все наши шиноби связаны между собой".

Затем он прервал сценарий. "Я написал одиннадцать имен на этом памятнике".

Касаки бросил на него взгляд, который он не смог расшифровать. "Я сожалею о ваших потерях", - мягко сказала она. "Двое из них были моими родителями?"

Он тяжело выдохнул. "Да".

"Вы хотите поговорить о них?"

Хотите ли вы, а не можете ли вы. От этого слова у него защемило сердце. Может, он слишком много думает. Хисаши всегда говорил, что он слишком много думает.

"Ты не обязан, если это слишком больно", - поспешно сказала она.

Кадзухиро не был уверен, что эти слова вызвали у него облегчение, тревогу или смущение. Какой же он был ниндзя, если ребенок так легко его раскусил.

"Твоя ка-сан была в моей жизни недолго", - признался он. "Но она была милой, насколько я видел. Правда, она была джонином, так что в ней, наверное, была какая-то изюминка. Твой отец, с другой стороны... он был серьезным. Сострадательный к тем, кого считал частью своей семьи, более сдержанный с товарищами. Смертельно опасен для врагов. Он научил меня быть мужчиной, сражаться, работать в команде и жить осмысленно. Я любил своего отца, но он сам не умел делать большинство из этих вещей, поэтому Хисаши вступался за него, когда считал нужным. И я никогда не смогу отблагодарить его за это".

"У вас есть фотография?" спросила она.

Фотоаппараты появились сравнительно недавно, поэтому он их не знал. Впрочем, "кажется, они начали делать фотографии для регистратора шиноби Ивагакуре. Я могу спросить у них, чтобы узнать, делали ли они свои". Кроме того, Хисаши попал в несколько книг бинго. Я могу вам показать".

Касаки кивнула в знак благодарности и обхватила его за ногу, почти обняв. Жесты привязанности со стороны маленькой девочки были редкостью, и это был один из самых откровенных, которые он когда-либо получал. Свободной рукой он обхватил ее плечо и притянул к себе.

"Ано... не мог бы ты научить меня тому, чему научил тебя мой Тоу-сан?" - нерешительно спросила она.

"Когда ты немного подрастешь? Конечно".

Ему нужно было убедиться, что он все еще будет рядом, когда придет время. Кадзухиро долгое время просто жил в свое удовольствие. После смерти родителей и катастрофы, которая помешала ему стать чунином, единственной целью его миссий было выжить и сделать все

возможное, чтобы враги этого не сделали. Защищать было некого, кроме двусмысленных интересов Ива в целом, и от него никто не зависел. Хисаши был бы опечален его кончиной, но и без него ему было бы хорошо.

Даже когда Кадзухиро усыновил Касаки, до него не доходило. До этого самого момента.

Наконец-то у него появилась причина стать сильнее. Так он и сделал. Во что бы то ни стало он будет жить, пока факел Хисаши не перейдет к его дочери.

Девушка отступила от него на два шага и торжественно склонила голову.

"Аригато... ни-сан".

--- { □□□□ } ---

На втором году новой жизни я обрел полное (как мне кажется, хотя некоторые мельчайшие притоки могли ускользнуть от меня) осознание своей доминирующей руки. Я вообразил, что левая просто зеркально отражена, хотя и воздержался от того, чтобы портить сюрприз проверкой.

Чтобы попасть туда, нужно было пройти через туловище, с которым я был значительно более осторожен. Конечно, это не остановило меня во время первых путешествий, которые я совершил, прежде чем решил исследовать небольшой участок своего тела за раз. Я - немного глупо - обогнул огромные участки всего тела, не доводя себя до остановки сердца, и теперь мог управлять своими подводными лодками гораздо искуснее, чем тогда.

Каждая пульсация чакры соответствовала размеру и форме окружающей среды, что было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что мне не приходилось беспокоиться о том, что острые края проткнут мои каналы, а плохо потому, что, когда я заставлял уменьшать пространство, чтобы вместить их, субмарины имели тенденцию ускоряться. Очень сильно.

Это было похоже на влияние диаметра выхода на давление воды. Например, если изменить настройку шланга, сделав его отверстие меньше, вода будет вытекать с большей силой. Если бы я переместил свою субмарину из более широкого канала в более мелкий приток, она пошла бы гораздо быстрее. Это было опасно, потому что мое внутреннее осознание и рефлексы были не на высоте, и если я позволю быстрой субмарине выскользнуть из-под моего контроля, ее импульс понесет ее вперед, несмотря ни на что. А мои притоки редко бывают прямыми.